

Мархлевский Юлиан Юзефович

Польша и мировая революция

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю33

Ю33 **Юлиан Юзефович М.**
Польша и мировая революция / Мархлевский Юлиан Юзефович – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 38 с.

ISBN 978-5-519-95630-7

ISBN 978-5-519-95630-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

лагере реакции, и только пролетариат в Польше стоит на стороне революции. Но пролетарская революция стремится к уничтожению классового государства, и польский пролетариат не может мечтать о создании польского классового государства; его борьба должна быть направлена на создание новой общественной формы—социалистической федерации пролетариев Европы.

Это приводит к следующему противоречию: вождями польского восстания 1830 г. были отчасти ультрареакционные польские шляхтичи, нисколько не собиравшиеся признать буржуазное равноправие за польским крестьянством, и тем не менее указанное восстание было революционным актом, спасшим, как уже сказано, Европу от вмешательства царской России. Ныне же мы видим как «честные демократы», борющиеся за независимое польское государство, ищут помощи у контр-революционеров, соглашаясь за это взять на себя роль «охранителей Европы от большевизма».

2. Социальные отношения в польских землях до мировой войны.

Польские земли под царским игом.

Чтобы читатель, незнакомый с польскими условиями, мог лучше понять разворачивающиеся сейчас в Польше события, необходимо набросать краткий очерк развития трех частей Польши за последнее время.

Мы начинаем с той части, которая была под русским владычеством.

После умирения восстания 1863 года, царское правительство провело аграрную реформу, сделавшую крестьянина *собственником обрабатываемого им участка земли*. Эта реформа часто ошибочно называется «освобождением от крепостной зависимости». Это неверно, так как официально крепостное право в этой части Польши было отменено еще Наполеоном (во время существования «герцогства Варшавского»). Но это «освобождение» кончилось тем, что крестьяне потеряли всякое право на обрабатываемую ими землю. На практике аграрные отношения в этой части Польши в период 1808—1864 гг. сводились к тому, что крестьяне арендовали помещичью землю, платя за нее не наличными деньгами, а отработками на помещичьих землях. На бумаге они были свободны, но эта свобода вела к тому, что помещик мог во всякое время прогнать крестьянина со двора. Это и случалось довольно часто, и если польским помещикам не удалось тогда же окончательно пролетаризовать крестьянство, то виною тому был исключительно недостаток у них денежных средств. Крестьяне продолжали владеть рабочим скотом и другими необходимыми для обра-

ботки земли средствами производства; в 1864 г. они стали собственниками и тех земель, которые они арендовали до тех пор. Помещики были вынуждены прибегнуть к наемному труду для обработки своих земель.

Это вызвало капитализацию сельского хозяйства. Но в то же время уничтожение таможенных преград, отделявших до 1849 года Польшу от России, породило расцвет польской промышленности. По мере развития железнодорожной сети в России, Россия оказывалась довольно емким рынком для сбыта продуктов промышленности, в особенности шерстяных товаров, между тем как в распоряжении польской промышленности находилась дешевая рабочая сила и, что особенно важно, дешевый кредит и техническая помощь со стороны Германии. Торговые сношения между Россией и Польшей становились с каждым годом все оживленнее: Польша получала из России во все увеличивающихся размерах сырье: лен, коноплю, шерсть, кожу, меха, лес, скот, сало, давая ей взамен, кроме продуктов текстильной промышленности, также железные изделия, машины и орудия. Сеть торговых сношений становилась все гуще и гуще.

Начиная с 1880 года, западная Россия получала из Польши в большом количестве уголь; с другой стороны, развившаяся промышленность Донецкого бассейна стала снабжать польские заводы железной рудой высокого качества. Новым этапом на пути развития русско-польских сношений явилось привлечение лодзинских фабрикантов к эксплуатации хлопковых плантаций в Средней Азии и усиленный ввоз в Польшу бакинской нефти. Особенно способствовало общности торговых интересов обеих стран то обстоятельство, что Польша стала отправлять в Россию избыток своих инженеров. В результате этого процесса, польская промышленность к началу XX столетия оказалась спаянной с русской промышленностью общими трестами и синдикатами. Именно это явление имела в виду Роза Люксембург, говоря об «органическом слиянии» Польши с Россией, хотя противники марксизма сознательно старались совершенно не казнить истинный смысл этого «слияния». Речь шла просто об установлении следующего факта: между тем, как до 1863 года господство царизма над Польшей было чисто механическим, опиравшимся исключительно на грубое насилие, исключавшим возможность сколько-нибудь тесной связи между обоими странами, позднейшее развитие хозяйственного взаимодействия вело ко все более тесному, «органическому» слиянию их. Само собой понятно, что это порождало также известные социальные последствия. Для польской промышленной буржуазии это отождествление ее интересов с интересами русской буржуазии означало полнейшее заражение ее идеями русского империали-

лизма. Конечно, между русскими и польскими фабрикантами возникали трения. По отношению, напр., к таможенной политике или к железнодорожным тарифам, их интересы часто расходились, и польские промышленники и купцы нередко жаловались на затруднительность сбыта их товаров в России, а московские фабриканты яростно вопили о губительном влиянии лодзинских цен на русскую промышленность. По существу, это был «семейный спор», какой нередко можно наблюдать в любом государстве между различными группами буржуазии. Зато польские буржуа не менее русских были заинтересованы в усилении царской империи, ибо всякое усиление последней означало расширение поля деятельности капитализма, а следовательно и увеличение прибыли. Когда в Думе и Государственном Совете господствовали Дмовский, Грабский и К^о выступали сторонниками русского империализма, это было далеко не лицемерие, как утверждали Пуришкевич и компания; ими в значительной степени руководило сознание общности интересов буржуазии России и Польши. Но больше всего польских и русских капиталистов объединяли их непосредственные классовые интересы в борьбе с пролетариатом. Чем сильнее становилось рабочее движение, тем искреннее становилась преданность польской буржуазии царизму, и тем страстнее становилось ее влечение к «твердому порядку», как спасению от «переворота».

Дворянство оставалось гораздо дольше в оппозиции к царизму. Помимо политических традиций—почти каждая дворянская семья пострадала во время восстаний—здесь действовали еще экономические причины. После 1863 г. царское правительство сознательно покровительствовало крестьянству за счет дворянства. При наделении крестьян землею в многочисленные «сервитуты» (крестьянские общины имели право пользования «господскими» лесами и пастбищами), приводившие к частым трениям между помещичьими приказчиками и крестьянскими общинами. При этом поставленные правительством крестьянские комиссары получили прямое приказание раздувать всякие конфликты, натравливать крестьян на помещиков и привлекать их на сторону правительства. Однако, эта царская демонология продолжалась недолго, и дворянство очень скоро, благодаря своему экономическому перевесу, снискало себе поддержку русского чиновничества, и в частности—упомянутых комиссаров.

Потомки повстанцев 1792, 1830 и 1863 г. г. чувствовали себя превосходно под защитой русского царизма. Особенно нелюбимой стала преданность польских панов русскому царизму с тех пор, как Николай II, во время своего первого посещения Польши после коронации, сделал крестьянам тор-

жественное внушение о неприкосновенности помещичьей земли. Царизм охранял панов от крестьян—этого для польских помещиков было достаточно для того, чтобы отказаться от свободлюбивых мечтаний. Конечно, нельзя отрицать того факта, что среди представителей названных господствующих групп были тысячи лиц, патриотическое сознание которых глубоко страдало от гонений на все польское со стороны царского правительства. Это, однако, нисколько не умаляет значения того главного факта, что польские капиталисты и помещики, *как класс*, немало не были заинтересованы в борьбе за освобождение от чужого ига. И поэтому не могло быть и речи о серьезной оппозиции чужому государству, не говоря уже о национальном восстании против него. Господствующий класс Польши великолепно приспособился к русскому владычеству.

Все, на что он был способен, это—робкие попытки отвлечь (посредством политических маневров) царское правительство от его политики беззастенчивых национальных преследований. Понятно, что все эти попытки были обречены на неудачу. Представители польского «общества» могли сколько угодно распинаться в «лжойальности польского народа», они могли плести какие угодно хитрые интриги для приобретения влияния при петербургском дворе—это ничуть не заставляло царский механизм отклониться от его политики «обрусения инородцев». Признание за поляками права на национально-культурное развитие было бы для бюрократии и православного духовенства равносильно признанию права на существование за всеми «инородцами». И действительно, гнусная политика угнетений продолжала свирепствовать в течение девяностых годов прошлого столетия вплоть до самой революции 1905 года.

Этот режим был особенно тяжел для среднего сословия, в особенности для интеллигенции. Она страдала уже чисто материально: в Польше не было места для поляков ни в качестве чиновников, ни в качестве учителей или офицеров; польский ученый и писатель задыхался в этой атмосфере полицейских придирок. Кроме того этот умственно более развитый общественный слой, разумеется, живет всех других чувствовал национальный гнет и рабство. В его среде постоянно шевелилось нечто в роде политической оппозиции. Но, как и всюду, эта мелкая буржуазия являлась простым отражением господствующих классов, а поэтому не могло быть и речи о принципиальной борьбе с ее стороны против «лжойальной политики»: она продолжала колебаться между шовинистической ненавистью к «москалям» и поддержкой «политики соглашения» с ними. Тем не менее патриотизм этих слоев имел известное значение для сохранения польской культуры, особенно до тех пор, пока в Польше существовало либеральное

движении. Однако, по мере обострения классовой борьбы, этот либерализм все более сходил на-нет, уступая свое место неприкрашенной реакции. В двадцатом веке патриотизм вылился в форму самого вульгарного национализма со всеми соответствующими признаками: отрицанием демократии, антисемитизмом и ярой ненавистью к социалистам.

Что касается крестьянства, то в русской Польше оно оставалось политически совершенно индифферентным. Демагогия царского правительства особого успеха, конечно, не имела. Крестьянин не очень-то верил в сказки о русском царе, как своем освободителе, так как было слишком очевидно, что помещик и русский чиновник действуют в трогательном единении, когда идет речь об обирании народа. Национальный гнет был для крестьянина, конечно, довольно чувствителен, но в конце концов никакая сила в мире не могла отнять у него его родной язык и веру отцов. С обрусением школы он боролся тем, что тайно обучал своих детей польской грамоте. Сильно угнетали его лишь хозяйничанье чиновников, гнет налогов и воинская повинность. Но о готовности крестьянской массы к упорной борьбе за свержение чужого господства не могло быть и речи.

Обратимся теперь к пролетариату. Польский рабочий имел все основания ненавидеть царский произвол. Железная рука этого произвола сдерживала его каждый раз, когда он пытался остоять свои классовые интересы. Именно это и сделало его социалистом. Но в момент, когда польский пролетариат созрел для самостоятельной политики, социализм стал законченной системой, в основание которой легла идея международной солидарности, и при тогдашних условиях для варшавского, лодзинского или домбровского рабочего было осязательно ясно, что ему следует думать не о создании нового классового государства, а о разрушении существующего классового государства, и в первую голову—угнетавшего его государства, возглавляемого русским царем. Столь же очевидно было и то, что в этой борьбе польский капиталист является его смертельным врагом, а русской рабочий—желанным союзником. Городской рабочий чувствовал национальный гнет на каждом шагу, но борьба против обрусительной политики была для него лишь эпизодом в борьбе со всей системой политического угнетения вообще. Итак, наиболее активный класс польского народа не мог выставить на своем знамени лозунг национальной борьбы в рамках существующих государственных отношений.

Безнадежность всякой попытки национального восстания, подобного восстаниям 1830 и 1863 г.г., стала особенно очевидной во время русской революции 1905 года. В 1905 году не было проявлено ни одной серьезной попытки к отделению Польши

от России, но силы с самого начала стали группироваться самым естественным образом: господствующий класс поддерживал правительство по всей линии, стремясь к сохранению «существующего порядка» в то время, как польский пролетариат боролся плечом к плечу с русскими рабочими против царского правительства и капиталистов, во имя завоевания власти и установления пролетарской диктатуры. Побочным результатом этой борьбы явились известные уступки в отношении польского языка в школе и администрации. Уже по одному тому, что польский рабочий не может отказаться от своей национальности, всякое сделанное им завоевание служит на благо всей польской культуре вообще.

Галиция.

Галиции суждено было пострадать от процесса разложения Габсбургской монархии. Богатая естественными сокровищами, страна эта (она владеет углем в т. н. Краковском бассейне, который до сих пор не разрабатывается; величкинские соляные промыслы принадлежат к богатейшим в Европе; в ней много нефтяных источников, калийных солей; почва здесь местами превосходная, а реки Карпатов изобилуют легко доступными источниками электрической энергии) находится в настоящее время в состоянии крайней хозяйственной беспомощности. О промышленности здесь почти говорить не приходится, и причина этого та, что господствующая в Австрии немецкая буржуазия долгое время сознательно держала Галицию на положении «гинтерланда», предназначенного для сбыта продуктов верхне-австрийской и богемской промышленности. Отчасти, конечно, развитие тормозилось географическим положением. Галиция представляет собою продолговатую полосу земли, отделенную на юге неприступными Карпатскими горами от Венгрии и австрийских земель и загражденную на севере таможенным барьером от России. Третьей причиной промышленной отсталости Галиции была «охранительная» политика Габсбургов, направленная к покровительству как австрийским, так и галицийским помещикам; а это повело к полному владычеству в стране их хищнической политики, делавшей невозможным какое бы то ни было хозяйственное развитие. С введением, после проигранной в 1867 году войны с Пруссией, конституционных учреждений, «земли монархии» получили самоуправление, и господствовавшая до тех пор политика национальных преследований была оставлена. Таким образом в Галиции с этих пор администрация стала польской.

В школе, в суде, в общественной жизни господствует польский язык. Краков, со своим старинным великолепием, сделав

Меккой польских патриотов. Здесь находился польский университет, в театрах ставились патриотические польские пьесы. Разгулу патриотической вакханалии был дан полный простор. Однако, спасавшиеся здесь от национальных преследований варшавские патриоты вскоре убедились в том, что их галицийские братья чтили прежде всего черно-желтое габсбургское знамя, и только за ним уже шло их «собственное» патриотическое знамя. Это и понятно: повелителями в стране были польские аристократы, связавшие свои судьбы с судьбами монархии, т.-е. с судьбами династии Габсбургов. Среднее сословие состояло преимущественно из чиновников, а остальные слои населения, при слабом развитии торговли и промышленности, находились в полной зависимости от аристократии и помещиков. Этим и объясняется продолжавшееся целые десятилетия господство так называемых «государственных» слоев, т.-е. ультрареакционной партии, видевшей все благо в преданности Габсбургам и внесшей разврат во все области общественной жизни.

Только в самое последнее время, с появлением признаков культурно-политической жизни среди крестьянства и с началом некоторого промышленного развития, стали возникать, наконец, буржуазно-оппозиционные течения против клерикально-аристократического режима, представители которых из партийно-политических соображений вели пропаганду национально-патриотических идей, будучи, однако, далеки от мысли выставить на своем знамени лозунг независимости.

Видное место в галициской политике занимала национальная распря между поляками и галичанами; дело в том, что восточная часть страны сплошь заселена крестьянским населением, родственным русским украинцами («галичане»), в то время как крупные помещики и преобладающая часть городского населения—поляки.

В этом-то карасином пруде «польской социал-демократической партии Галиции» суждено было играть роль щуки.

При ничтожной численности фабричных рабочих, партии этой приходилось искать себе сторонников, главным образом, среди ремесленников, железнодорожных служащих, торговых приказчиков и тому подобного элемента с неизжитой еще мелко-буржуазной психологией.

Благодаря политическим талантам своего вождя Дашинского, прекрасно сумевшего использовать своеобразные австро-галицийские условия, партия приобрела в 90-х годах много приверженцев. Это происходило, понятно, не без ущерба для классовой чистоты ее: галицийская социал-демократия являлась попросту партией крайней оппозиции, к которой примыкали все элементы, недовольные существующим положением.

Такой состав партии, в которую входил ничтожный процент пролетариев, делает понятным тот успех, который выпал здесь на долю «польской социалистической партии» (P. P. S.). Программа последней была выработана польскими эмигрантами, преимущественно членами партии «Пролетариат», и представляла собою смесь националистических и социалистических идей. Главная идея партии заключалась в том, что польскому народу необходимо прежде всего сбросить с себя чужое иго, чтобы проложить себе дорогу к социализму. При этом в программе не говорилось ни слова о том, насколько осуществимо вооруженное восстание польского пролетариата против трех величайших военных держав, вдобавок без всякой поддержки со стороны собственной буржуазии. В конце концов все строилось на расчете о столкновении между этими державами. Усвоив эту программу, галицийская партия очутилась в двусмысленном положении: «для публики» она и в прессе и в парламенте нападала на австрийский милитаризм, но в душе вожди ее страстно желали войны Австрии против России. Теперь можно с точностью установить, что члены этой партии, с Пилсудским во главе, уже давно находились в самых тесных сношениях с австрийским генеральным штабом, принимая ближайшее участие во всех приготовлениях к войне, в особенности по части шпионажа.

Польские земли под прусским игом.

Польские области, подчиненные Пруссии, распадаются на две резко обособленные части: на Верхнюю Силезию, с одной стороны, и на провинции Познань и Западную Пруссию—с другой. Первая область уже с XIX столетия не входила в состав польского государства и подпала под прусское владычество еще во время Семилетней войны; Познань и Восточная Пруссия окончательно перешли к Пруссии только после Венского конгресса. Обе последние провинции представляют собою земледельческие области, почти без всякой промышленности, между тем как Верхняя Силезия это—высокоразвитый промышленный округ с колоссальным производством угля и железа.

Для того, чтобы правильно оценить социально-политическую жизнь Познани и Западной Пруссии, необходимо помнить, что эти окраинно-западные области Польши подвергались сильной немецкой колонизации еще в период самостоятельного существования Польши. Сословный строй польской республики предоставлял широкое самоуправление городам, и это послужило на пользу осевшим в них немцам, которых привело сюда «стремление на Восток». (Drang nach Osten).

Здесь господствовало поэтому «магдебургское право», т.-е. польские города, независимо от верховной власти, имели свои собственные суды по германскому праву, их цехи были устроены по образцу немецких, обиходным языком был немецкий, а в сношениях с польскими властями они пользовались латынью. Таким образом многие города—Данциг, Торн, Бромберг—были в сущности немецкими колониями. В других городах немецкие колонисты составляли лишь часть населения, но и в них этот немецкий элемент был очень силен.

Получив в свои руки эти провинции, прусское правительство, при поддержке немецкого населения, принялось за их германизацию. Польский язык был окончательно изгнан из школы, из администрации, и, наконец, запрещено было употребление польского языка даже в общественных собраниях. Придирчивость по отношению к польскому населению принимала часто чудовищные и смешные формы: в конституционном королевстве Пруссии было запрещено пение польских национальных песен и преследовалось ношение национальных отличий; польские города были окрещены немецкими именами (так, например, старинный Иноврацлав был переименован в Гогензальца; Забрже был во время войны переименован в Гинденбург). Если это были лишь булавочные уколы, постоянно раздражавшие национальное самолюбие, то далеко не так безобидны были насилия, глубоко задевавшие самые основы социальной жизни. Так, в 1886 году десятки тысяч польских жителей были изгнаны из этих провинций на том лишь основании, что, будучи выходцами из русской и галицийской Польши, они не были прусскими подданными. В то же время началась насильственная колонизация обеих провинций. Правительство скупало земли польских помещиков и наделяло ими немецких крестьян. Когда оказалось, что скупка путем полюбовных сделок идет не очень успешно, было приступлено к экспроприации. Польские собственники обязаны были уступать свои земли немцам по требованию немецких властей. Попытки оправдать это принуждение ссылкой на то, что ведь в конце концов экспроприация была направлена исключительно против крупных польских помещиков, являются не более, как лицемерием (этим часто грешили так называемые социал-демократы). Ибо, во-первых, при этом дроблении поместий польские рабочие систематически изгонялись из имений и лишались средств к существованию; во-вторых, эта политика отнимала у польского крестьянина возможность приобретать землю; в-третьих, правительство часто прибегало к принудительному очуждению земли и у польских крестьян, а не только у одних помещиков. Еще более вопиющим актом насилия был так называемый «закон о поселениях». Чтобы

воспрепятствовать продаже помещиками отдельных участков земли польским крестьянам, был издан закон, по которому для постройки жилища, даже на собственной земле, требовалось разрешение властей, а власти систематически отказывали польским крестьянам в таких разрешениях. Нетрудно себе представить, до какой степени эта германиторская политика озлобляла поляков. Но прусское правительство ничего не выиграло от этой политики. Напротив, можно с уверенностью сказать, что в настоящее время эти провинции являются более польскими, чем они были полвека тому назад. Польская деревня как была, так и осталась польской: несколько тысяч насильно вселившихся немецких колонистов ничего в ней не изменили; мало того, с течением времени рассеянные в польских областях немецкие колонии постепенно ополчились, при чем этот процесс все ускорялся по мере того, как исчезала культурная обособленность колонистов. Но особенно сильно шла полонизация городов в течение последних десятилетий, несмотря на все старания правительства воспрепятствовать этому. Объяснить это явление не трудно: здесь, как и повсюду в Европе, городское население быстро возрастало вследствие «притягательной силы городов». Но приток новых кадров городского населения шел, главным образом, из деревни, и, следовательно, кадры эти состояли в значительной части из поляков. Таким образом осевшее немецкое городское население постепенно вытеснялось польскими пришельцами, и в городах возникла польская мелкая буржуазия.

Между польским и немецким мещанством неизбежна должна была начаться конкуренция, «борьба за кусок хлеба», еще более обострившая национальную рознь.

Хозяйственное развитие обеих провинций определялось хозяйственным развитием всей Германии. Быстрое промышленное развитие Германии порождало все возрастающий спрос на сельско-хозяйственные продукты для городов и промышленных округов, и обе провинции стали поставщиками хлеба, картофеля и скота. Поэтому мы и встречаем в них интенсивное сельское хозяйство как у помещиков, так и у крестьян. Развитие отраслей промышленности, имеющих целью обработку продуктов сельского хозяйства,—сахарных, винокуренных заводов, крахмальных фабрик,—также способствовало интенсификации сельского хозяйства. Главные выгоды этого развития выпадали, конечно, на долю крупных помещиков, но и крестьяне извлекали пользу из нового положения вещей, и нет сомнения, что крестьяне рассматриваемых областей пользуются большим благосостоянием, чем их единоплеменники в других польских областях. Вместе с тем и здесь, как и в городах, возникла своеобразная форма национальной борьбы.